

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2021. Том 25, № 1
ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070

ББК 76023

DOI 10.18522/1995-0640-2021-1-218-228

**«ИСТОЛКОВАТЬ ЯВЛЕНИЕ ПЕТРА
ИЗ ЗАКОНОВ РАЗВИТИЯ ИДЕИ...» –
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ
В ПУБЛИЦИСТИКЕ А.И. ГЕРЦЕНА**

О. С. Кругликова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта 20-011-42018

Аннотация. Отношение А. И. Герцена к исторической роли Петра Велико-го менялось в ходе эволюции его историософской концепции. От восхищения монархом-реформатором и преклонения перед идеалом Европы через гуманистическую критику абсолютизма и скепсис по отношению к Европейским ценностям Герцен пришел к признанию деятельности Петра катализатором общественного недовольства и брожения, которые в будущем приведут Россию к революции особого типа, отличной от буржуазных революций европейского образца.

Ключевые слова: *Петр Великий, публицистика А.И. Герцена, русская журналистика XIX в.*

Введение

А. И. Герцен является для русской журналистики, политической философии, истории общественных отношений в России фигурой во многом символической. Имя Герцена можно отнести к числу прецедентных феноменов, т.е. таких имен собственных, которые могут использоваться в литературном или журналистском тексте не для обозначения конкретного человека, а в качестве своеобразного культурного знака, символа определенных свойств, событий, явлений [Гудков, 2003, с. 108]. И как прецедентный феномен в современной журналистике Герцен имеет четкую номинацию «либерал-западник». Е. А. Нахимова весьма ярко иллюстрирует актуальность этой трактовки в современном политическом дискурсе примером публикации «Уоллстрит Джорнел» в начале 2000-х гг., символически трактовавшей стратегический выбор новой России как выбор между Герценом и Иваном Грозным [Нахимова, 2008, с. 165]. А между тем внимательное прочтение публицистики Герцена, особенно позднего периода, заставляет усомниться в незыблемости его

западнической позиции и позволяет увидеть в Герцене скорее предтечу народнических воззрений Н. Г. Михайловского, нежели последователя В. Г. Белинского. Формированию канонического восприятия Герцена как непреклонного западника во многом способствовала специфика сложившейся в России формы общественного диалога.

В оптимальной модели развития публичной сферы «взаимная борьба, если для неё созданы равноправные условия, если нет стремления уничтожить противостоящую партию, если она ведется честно, аргументированно, с апелляцией ко всему обществу... способствует... динамичному развитию социума» [Громов, 2010, с. 101]. Пользуясь гегелевскими категориями, продуктивное противостояние двух противоположных идей должно рождать диалектический синтез, обеспечивающий социальное развитие. Но в истории общественного движения России примеров подобного продуктивного диалога было мало, чаще всего полемика, подогреваемая эмоциями, личными амбициями вкупе с журнальным азартом борьбы за симпатии читателей, не позволяла сформироваться «справедливой для всех представителей разнообразного политического и идейного спектров атмосферы взаимоуважительного диалога». При этих обстоятельствах возникала «деструктивная конфронтация, изнутри разрушающая страну», когда «энергия внутреннего противоречия тратится не на позитивное её использование в интересах общества в целом, а на эгоистическое, временное, мнимое торжество одной из сторон, стремящейся подавить другую» [Там же, с. 101].

Отметим, что печальнее всего в таких деструктивных диспозициях, в которую, в частности, вылился диалог славянофилов и западников в пореформенной России, судьба именно тех мыслителей и общественных деятелей, которые отваживаются на неоднозначный подход, не пугаются не только изменения своих взглядов, но и сближения с идеями противоположной стороны, способны принять внутреннее противоречие сложной системы. К таковым, безусловно, относился Герцен, писавший «трудно расставаться с мыслями, которые нас лелеяли, утешали, – пожертвовать ими кажется неблагодарностью. В том-то и дело, чтобы отдать дорогое, если мы убедимся, что оно не истинно» [Герцен, 1955, Т. 6, с. 35]. В бинарную оппозицию славянофилы/западники его философия не вмещается, развивающаяся и изменяющаяся концепция Герцена ускользает от любых попыток её доктринального определения.

Исследованию публицистики и творческой биографии Герцена посвящен колоссальный объем научной литературы. И если многочисленные исследования советского периода тяготели к закреплению ряда идеологических штампов в отношении Герцена (западник, прогрессист, непримиримый борец с самодержавием, республиканец и т.п.), то с начала 1990-х гг. появляются разнообразные изыскания, нацеленные на формирование более сложного, разностороннего понимания его общественной роли и в журналистике [Громова, 1994], и в философии [Громов, 2010; Туниманов, 1994; Горохов, 2012]. Исследователями справедливо отмечается, что понимание отдельных аспектов общественной позиции Герце-

на возможно только в контексте развития его историософских взглядов, без учета которого многие метаморфозы его политических суждений не могут быть верно интерпретированы.

Действительно, «историософская тема – основная в русской мысли XIX века» [Горохов, 2012, с. 6], а в творчестве Герцена она тесно связана с осмыслением роли одной из ключевых фигур русской истории – Петра Великого. Рассмотрение эволюции взглядов Герцена на деятельность монарха-реформатора в контексте общего развития историософских взглядов публициста представляется новой и актуальной исследовательской задачей.

Исследование

В 1830-40 гг., в период, названный Белинским «эпохой сознания», происходил «поиск будущего России через понимание ее сущности и специфики, которые следует искать в ее прошлом» [Венгеров, 1915, с. 7]. И при попытках проникнуть в ход мысли и духовные искания участников этого сложного процесса современному исследователю требуется учитывать ряд факторов, оказавших на него существенное влияние.

К числу таких факторов необходимо отнести, прежде всего, свойственный этому историческому периоду синкретизм науки, философии, литературы, истории, существовавших «нераздельно и неслиянно» как общий поток интеллектуального и духовного поиска эпохи. Историософские взгляды Герцена формировались под влиянием одновременно и романтической немецкой поэзии, и знакомства с русским фольклором, и прорывных открытий в сфере естествознания, и причудливейшим образом сочетавшихся элементов философских доктрин Фейербаха и Гегеля, Сен-Симона и Фурье. При этом важно не упускать из виду характерную особенность этого общего духовного поиска, которая была ярко показана С. А. Венгеровым в очерке «Эпоха Белинского»: «основная черта русского усвоения отвлеченных идей, которая проходит красной нитью через нашу духовную жизнь последних 70-80 лет... что отвлеченные идеи никогда не оставались для нас отвлеченными, а переходя в плоть и кровь, быстро переводились на язык действительности и становились чем-то очень конкретным» [Венгеров, 1915, с. 9 – 10]. Описывая в «Былом и думах» свое знакомство с Н. П. Огаревым, Герцен показывает, сколь короток для двух русских юношей был путь от чтения друг другу вслух Шиллера до клятвы продолжить дело декабристов.

Русские мыслители сороковых годов искали обобщающую философскую модель, пригодную для анализа и явлений природы, и произведений литературы, и путей развития социума – универсальный закон, объясняющий всю полноту и разнообразие явлений мира. И найдя такую, хотя бы и на время, пока её не сменит другая система, стремились не столько её усвоить, сколько в нее уверовать, безоговорочно и страстно, как в абсолютную истину. Г.Г. Шпет, анализируя увлеченность Герцена гегелевской философией, отмечает, что русского публициста эта философская система привлекала не только своей научностью, но главным

образом тем, что «конечной задачей этой философии была действительность» [Шпет, 2009, с. 220]. Действительно, на русской почве к философским системам применялось неприменное требование проверки практикой, и это столкновение философских абстракций с реалиями русского общественного быта приводило к тому, что «философские системы Запада у нас были не больше как поводом к выработке чисто-русских общественных начал» [Венгеров, 1915, с. 15].

Через призму различных систем западноевропейской философии в их соотношении с современной им Россией размышляли деятели сороковых годов и о русской истории. И еще одним важнейшим фактором, влиявшим на эти размышления, был остро ощущавшийся недостаток исторических знаний у русской интеллигенции этого периода. История как наука переживает в это время начальный период своего становления, в сущности, пока еще балансируя на грани между научным знанием и литературным нарративом, круг источников, введенных в исследовательский оборот, был не столь обширен, а методы источниковедческой критики не сформированы. Доимперский период истории России был известен как смутная легенда, а знакомство с имперским периодом было дополнительно осложнено политическими факторами. Даже в конце 1850-х гг. Н. А. Добролюбов отмечал, говоря об исторических сочинениях, живописующих время Петра Великого: «почти невозможно избрать для какого-либо сочинения правильную и независимую точку зрения на события нашей новейшей истории именно потому, что они и в жизни современного нам общества еще продолжают во многом, еще не составляют прошедшего, совершенно законченного для нас». [Добролюбов, 1962, с. 17] Щекотливость придания гласности некоторых событий царствования ближайших предков правящей династии затрудняла труд исследователей и дискуссию публицистов.

Это приводило к тому, что в рассуждениях общественных деятелей сороковых годов об истории имперской России, интерпретации в целом главенствовали над фактами, что обуславливало также исключительную насыщенность диалога метафорами. Образность и некоторая вычурность языка публицистов отчасти подменяли недостаток аргументации, но при этом усиливали поляризацию общественного диалога. В философской публицистике Герцена эмоциональность и образность вообще будут играть огромную роль, исключительную насыщенность его текстов средствами художественной выразительности отмечают многие исследователи [Черепанов, 1960; Семенова, 2015]. По подсчетам А. Л. Семеновой только в первой статье цикла «Дилетантизм в науке» встречается более 120 метафорических выражений [Семенова, 2015, с. 161].

С первых юношеских публицистических опытов А. И. Герцен обращается к рефлексии русской истории и, прежде всего, образа монарха-реформатора Петра Великого. Уже в 1833 г. в неопубликованной статье под заголовком «Двадцать осмое января», черновик которой был конфискован у Герцена при аресте в 1834 г., он излагал свои взгляды

на исторический процесс. В заглавие была вынесена дата смерти Петра, а один из предпосланных статье эпиграфов гласит «И революция воплотилась в человеке». Автор планировал две статьи, продолжающие друг друга. Первая из них ставила вопрос «Явился ли сей гигант вопреки всем историческим законам» [Герцен, 1955, т. 1, с. 34], а вторая (она либо не была написана, либо не сохранилась) должна была рассмотреть, далеко ли ушла Россия по пути петровской вестернизации.

Предполагая, что деятельность преобразователя была развитием какого-то еще не формализованного учеными закона социального развития, Герцен задается вопросом «возможно ли истолковать явление Петра из законов развития идеи, понять оное не произвольным, но необходимым» [Герцен, 1955, т. 1, с. 33]. Однако из текста не ясно, в чем видится ему закономерность действий государя. Напротив, развивая ряд исторических аналогий, Герцен доказывает, что Петр, в отличие от других великих героев прошлого, действовал вопреки обстоятельствам, а не исходя из них, и одновременно парадоксально постулирует, что русские составляют живую органическую часть Европы и, следовательно, движение к полному культурному слиянию с нею – естественное движение, не обусловленное единоличной волей Петра.

В целом статья отличается противоречивым и патетическим характером изложения, обилием вольных исторических аналогий: перескакивая от падения Византии к «еще не остывшему трупу» Наполеона, мимоходом включая в сюжет Карла Великого, Лютера, Конвент, Монтеке, Гракха и Цезаря, Годунова и Шуйского, автор приходит к заключению, что «ежели мы и признаем необходимость Петра в России, и в сие время более, нежели когда-нибудь, то, тем не менее, обширна его самобытность». [Герцен, т. 1, с. 34] Недостатки текста объясняются его черновым характером и неопытностью начинающего автора, но важно проследить те тенденции, которые обозначают специфику герценовской трактовки Петра в этот период. Это, во-первых, романтическое, «шиллеровское», отношение к истории, преклонение перед трагической оппозицией Героя и Эпохи, и, следовательно, преувеличенный восторг по отношению к Петру: «Между тем вот Петр; силою своего гения, вопреки народу, он выдвинул отсталую часть Европы, и она, быстро развиваясь, устремилась за старшими братьями» [Герцен, т. 1, с. 29-30]. Петр предстает как монарх-революционер, а революция интерпретируется в романтическом духе, как рывок вперед, как ломка устаревшего, как противоборство свободной личности с косностью обстоятельств.

Во-вторых, это априорная констатация того, что Европа – единственное средоточие добра и просвещения: «В тенденции Европы сомнения нет – каждый знает и никто не спорит в том, что она развивает гражданственность и устремляет к дальнейшей цивилизации (в обширном смысле) человечество, доставшееся ей от Рима и Греции...» [Герцен, т. 1, с. 31]

Очевидно, что это произведение принадлежит тому первому периоду мыслительной деятельности Герцена, к которому содержательно

и хронологически относятся и статьи «О дилетантизме в науке», провозгласившие философию Гегеля азбукой революции. Историческое представление Герцена доэмигрантского периода парадоксальным образом сочетают в себе почти средневековые представления о линейности и однонаправленности исторического процесса с диалектикой. Герцен пытается представить исторический процесс как закономерное движение человечества к обществу, лишенному антагонизмов. Здесь, безусловно, кроется противоречие – потому что диалектический принцип предполагает бесконечность самого исторического процесса и движущего его антагонизма, но пока это противоречие не тревожит Герцена. Важно, что при такой трактовке сущности истории понимание роли Петра Великого не может быть критическим – любое содействие движению к умопостигаемому идеалу трактуется как цель, оправдывающая любые средства.

С таких позиций, объяснимо, что в статье «Письмо из провинции», 1836 г., опубликованной в 1840 г. в сборнике «Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком», Герцен отчасти позитивно оценивает деятельность не только Петра, но и Ивана Грозного: «Подъезжая к Казани на пароме, первое, что я увидел, был памятник царя Иоанна Васильевича. Здесь он на месте, здесь Грозный исполнил великое; здесь он герой и предтеча Петра, силою оружий занявший место для простора идеям его, для простора русскому духу». [Герцен, т. 1, с. 132]

Обе тенденции – идеализация Петра и идеализация Европы – претерпят определенную трансформацию в зрелом творчестве Герцена, но разрушатся далеко не сразу, и как магистральные направления сохранятся надолго. Статья «Москва и Петербург» дает характерную антитезу двух столиц: символа «азиатской стоячести» допетровской эпохи и «загадки нашего современного быта», порожденного временем Петра. Идеализация европейского пути сохраняется, хотя отношение к самому преобразователю начинает меняться, теперь он предстает в виде: «северного великана, гиганта, в котором сосредоточена была энергия и жестокость Конвента 93 года и революционная сила его... царя, отрекшегося от страны для её пользы и угнетавшего её во имя европеизма и цивилизации.» [Герцен, т. 2, с. 39] В дневниковых записях этого периода Герцен еще более резок, Петр – «странное сочетание гениальности с натурой тигра» – однако, осмысляя шокирующие анекдоты о Петре, он все-таки готов «склониться перед грозными явлениями Конвента и Петра...» поскольку «в самих гнусностях их не должно терять явного признака величия». [Там же, с. 348]

Разрешение этого содержательного противоречия требовало переосмысления общих подходов к истории, толчком к которому для Герцена было столкновение с Европой не как с мысленно сконструированным идеалом, а как с фрагментом реальности. Столкновение это для многих русских мыслителей, которые, по выражению Белинского «отправляются туда решительными европейцами, а возвращаются оттуда сами не зная кем» [Белинский, 1956, с. 18 – 19] было трагическим переживани-

ем, своеобразной «гибелью богов»: «Поживши год, другой в Европе, мы с удивлением видим, что вообще западные люди не соответствуют нашему понятию о них, что они гораздо ниже его. В идеал, составленный нами, входят элементы верные, но или не существующие более, или совершенно изменившиеся» [Герцен, Т. 10, с. 124 – 125].

Герцен был глубоко уязвлен буржуазностью европейской культуры. Острый антимещанский пафос «Писем из Avenue Maigny», опубликованных в «Современнике» и раскритикованных Белинским, а затем и очерков «С того берега» потрясет русского читателя. Герцен констатирует, что буржуазная революция – путь тупиковый, ибо нельзя освободить человека снаружи больше, чем он свободен внутри. Ситуация, когда «мещане неимущие» пришли и отобрали все у «мещан имущих», а именно так оценил Герцен революцию 1848 г., заставила его задуматься о том, во-первых, существует ли позитивное линейное движение истории к общему для всех идеалу, или на каждом новом витке меняются только декорации и лица, а сущность протекающих процессов остается прежней, а во-вторых, усомниться в перспективности насильственных толчков вперед, революции сверху, воплощением которой для него был Великий Петр. Если цель не бесспорна, то она не может вполне оправдать жестокость средств. Постепенно в трактовке образа Петра будет нарастать критический компонент, в сборнике «С того берега» подчеркивается, что: «при всем своем темпераменте революционера, Петр I все же всегда оставался самодержцем... Становясь под знамена цивилизации, Петр I в то же время заимствовал у отвергаемого им прошлого кнут и Сибирь» [Герцен, т. 6, с. 208].

Необходимо отметить, что столь противоречивое отношение Герцена к роли Петра в русской истории следует рассматривать в контексте эволюции восприятия петровских преобразований в русском общественном сознании пореформенной эпохи. Для русского общественного диалога первых лет царствования Александра II было характерно осознание себя на пороге великих преобразований, масштаб грядущих реформ был столь огромен, что единственным аналогом им мыслилась только петровская модернизация. Поэтому «эпоха Петра стала “актуальным прошлым”, к которому постоянно апеллировали при обсуждении насущных вопросов современности; она была “зеркалом прошедшего времени”, в которое охотно смотрелась эпоха Великих реформ» [Левонтьева, с. 37]. Одновременно с этим новая усложнявшаяся социальная структура периода реформ, вовлекавшая в публичную дискуссию все более широкие слои общества, приводила к усложнению мифологических сценариев русской истории [Уортман, 2002], последовательная критика петровской легенды, сформированной отчасти самим монархом, отчасти его ближайшими наследниками, приводила к усилению негативных оценок деятельности Петра.

Восприятие монарха-реформатора определялось своеобразной дихотомией – на уровне философских моделей распространение критического отношения к монархической власти в целом и гуманистического

восприятия ценности жизни индивида актуализировало трактовку Петра как палача собственного народа, на уровне же политической конкретике текущего момента именно волевая непреклонность Петра, доходившая до жестокости, становилась инструментом критики его менее решительного наследника Александра II, которому, апеллируя к историческому прецеденту, вменяли в вину неспособность проводить реформы железной рукой.

Со временем произойдет и некоторая переоценка Герценом роли европейской цивилизации в будущем человечества. По-прежнему признавая копирование европейских моделей цивилизующим для России во времена Петра, Герцен усомнится в том, что будущее цивилизованного мира безраздельно принадлежит Европе: «Мы не думаем также, что судьбы человечества пригвождены к Западной Европе. Если Европе не удастся подняться путем общественного преобразования, то преобразуются иные страны; есть среди них и такие, которые уже готовы к этому движению, другие к нему готовятся. Одна из них известна – это Североамериканские Штаты, а другую, полную сил, но вместе и дикости, знают мало и плохо» [Герцен, т. 7, с.174].

Мысль Герцена постепенно развивается в направлении сближения со славянофильскими идеями поиска тех черт национальной самобытности русских, которые являлись бы зачатками построения будущей социальной гармонии. Однако, если для славянофилов точкой осознанной державности и вместе с тем внутренней свободы русских были времена первых Романовых и Земских Соборов, то Герцен видит идеал в более раннем периоде: «Если русское государство и отличалось столь существенным образом от других государств Европы, это отнюдь не дает права предполагать, что оно стояло ниже их до XIV века. Русский народ в те времена был свободнее народов феодального Запада» [Герцен, т. 7, с. 156]. Герцен не отрицает, что «необходимость централизации была очевидна, без нее не удалось бы ни свергнуть монгольское иго, ни спасти единство государства», но при этом не готов признать, что «московский абсолютизм был единственным средством для спасения России» [Там же, с. 157].

Московское единодержавие Герцен, в отличие от славянофилов, воспринимает как негативное явление, при этом возникает любопытный парадокс – Петр, превративший своими реформами народную монархию московитов в абсолютизм европейского образца, создавший регулярное государство, в котором давление власти на жизнь отдельного человека было куда более значимым, чем на предыдущем этапе, являлся живым воплощением, логическим завершением процесса закрепощения индивида государством, против которого так яростно выступает Герцен. Почему же он продолжает оценивать Петра скорее положительно, чем отрицательно?

Герцен видит в деятельности Петра катализатор общественного недовольства. И не просто недовольства, а недовольства, подкрепленного теоретической базой европейской образованности. «Царская Россия,

как и сельская община, совершенно лишена была какой бы то ни было закваски, каких бы то ни было дрожжей; не было ни беспокойного меньшинства, ни движущего начала. Эта закваска, эти дрожжи, эта мятежная личность явилась, и явилась на троне. Петр I сделал бесконечно много добра и зла России; но особенной благодарности от русских он заслуживает за толчок, который дал всей стране». [Герцен, Т. 7, с. 174] Герцен видит в России возможность самобытного революционного движения, альтернативного тому пути буржуазных революций, которым пошла Европа. И это революционное движение также во многом определенного деятельностью Петра: «Петр I привел государство в движение, а помещик прямо или косвенно приведет бездеятельную, тяжелую на подъем общину к революции». [Там же, с. 175]

Таким образом, после долгих колебаний и сомнений, Герцен все-таки вынесет деятельности Петра оправдательный вердикт – в ней много плохого и хорошего, но главное то, что она стала началом грядущих необратимых процессов, которые, как надеялся Герцен, будут иметь положительное значение, а потому все-таки деятельность Петра заслуживает благодарности потомков. А вот разочарование в европейском пути станет для Герцена столь глубоким, что он в конце концов провозгласит: «Достойно сожаления, что Петр I не имел перед глазами иного идеала, кроме европейского режима». [Герцен, Т. 6, с.207]

Заключение

Историософская концепция Герцена в целом и его отношение к преобразованиям первого русского императора в частности во многом были детерминированы спецификой русского общественного диалога второй трети XIX в. Путь философских исканий Герцена прошел определенный круг – от признания деятельности Петра ведущей Россию к единственно необходимому европейскому идеалу и потому оправданной во всех своих крайностях, через скепсис по отношению к этому европейскому идеалу и критику Петра с гуманистических позиций, к признанию позитивной роли его личности в движении русского народа по самобытному пути развития, который должен, по мысли Герцена, привести Россию к социальной революции неевропейского образца.

Литература и источники

- Белинский В. Г.* (1956) Полн. собр. соч.: в 13 т. / АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом). М.: Изд-во АН СССР, 1953 – 1959. Т. 10. 474 с.
- Венгеров С. А.* (1915) Эпоха Белинского. СПб.: «Прометей» Н.Н.Михайлова. 43 с.
- Герцен А. И.* (1955) Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР.
- Горохов П. А.* (2012) К вопросу о философских воззрениях Александра Герцена // Вестн. Оренбургского гос. ун-та. № 7 (143), июль, с. 4 – 12.
- Громов М. Н.* (2010) Двудесятилетний Янус // Вопросы философии. № 12. С. 99 – 104.
- Громова Л. П.* (1994) Герцен и русская журналистика его времени. СПб.: Изд-во СПбГУ. 156 с.

- Гудков Д.Б. (2003) Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис. 288 с.
- Добролюбов Н. А. (1962) Собр. соч.: в 9 т. / под общ. ред. Б. И. Бурсова и др. М.; Л.: Гослитиздат. Ленинградское отделение, 1961 – 1964. Т. 3: Статьи и рецензии. Июнь – декабрь 1858. 544 с.
- Леонтьева О. Б. (2008) «Страшен царь Петр»: образ Петра Великого в культуре пореформенной России (1860 – 1880-е гг.) // Изв. Самарского науч. центра РАН. Т. 10, № 1. С. 35 – 47.
- Нахимова Е. А. (2008) Прецедентное поле «монархи» в отечественных СМИ // Лингвокультурология. № 2. С. 163 – 171.
- Семенова А. Л. (2015) «Дилетантизм в науке» А. И. Герцена: образные средства философской публицистики // Сопряжение идей... Сопряжение смыслов / под. ред. А. Л. Семеновой. Великой Новгород: Изд-во Новгородского ун-та им. Я. Мудрого. С. 158 – 163.
- Туниманов В. А. (1994) А. И. Герцен и русская общественно-литературная мысль XIX века. СПб.: Наука. 742 с.
- Уртман Р. (2002) Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М.: Объединённое гуманитарное изд-во. 605 с.
- Черепанов М. (1960) Герцен-публицист. М. [Б.и.] 55 с.
- Шплет Г. Г. (2009) Очерк развития русской философии. II. Материалы // Реконструкция Т. Щедриной. М.: Российская полит. энциклопедия. 864 с.

References

- Belinsky V.G. (1956) *Complete works: In 13 volumes*. Academy of Sciences of the USSR, Institute of Rus. Literature (Pushkin House). Moscow Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1953-1959. Vol. 10. 474 p. (In Russian).
- Cherepakhov M. (1960) *Herzen-publicist*. Moscow. 55 p. (In Russian).
- Herzen A.I. (1955) *Collection of works in 30 volumes*. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russian).
- Gorokhov P.A. (2012) On the question of the philosophical views of Alexander Herzen. *Bulletin of Orenburg state university*, no. 7 (143), July, pp. 4-12. (In Russian).
- Gromov M. N. (2010) Two-faced Janus. *Problems of Philosophy*, no 12, pp. 99-104. (In Russian).
- Gromova L.P. (1994) *Herzen and Russian journalism of his time*. SPb.: Publishing house of SPbSU. 156 p. (In Russian).
- Gudkov D.B. (2003) *Theory and Practice of Intercultural Communication*. Moscow, Gnosis. 288 p. (In Russian).
- Dobrolyubov N.A. (1962) *Collected works: in 9 volumes*. Under total. ed. B.I.Bursova et al. Moscow; Leningrad, Goslitizdat. Leningrad branch, 1961 – 1964. Vol. 3: Articles and reviews. June – December 1858. 544 p. (In Russian).
- Leontyeva O.B. (2008) “The Terrible Tsar Peter”: the Image of Peter the Great in the Culture of Post-Reform Russia (1860s-1880s). *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, vol. 10, no. 1, pp. 35-47. (In Russian).
- Nakhimova E. A. (2008) Precedent field “monarchs” in domestic media. *Linguoculturology*, no. 2, pp. 163-171.
- Semenova A. L. (2015) “Dilettantism in Science” A. I. Herzen: Figurative means of philosophical journalism. *Conjugation of ideas... Conjugation of meanings*. Under. ed. Semenova A. L. Veliky Novgorod: Publishing house of the Novgorod University named after Ya. Mudry, pp. 158-163. (In Russian).

Tunimanov V.A. (1994) *A.I. Herzen and Russian social and literary thought of the 19th century*. SPb, Nauka. 742 p. (In Russian).

Vengerov S. A. (1915) *The Belinsky Epoch*. SPb., Prometey. 43 p. (In Russian).

Wortman R. (2002) *Scenarios of Power: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy*. In 2 volumes. Vol. 1: *From Peter the Great to the death of Nicholas I*. Moscow, United Humanities Publishing House. 605 p. (In Russian).

Shpet G.G. (2009) *Essay on the development of Russian philosophy. II Materials. Reconstruction by T. Shchedrina*. Moscow. 864 p. (In Russian).

Olga S. Kruglikova (St. Petersburg, Russian Federation)

“To Interpret the Appearance of Peter from the Laws the Idea Development...” – the Reflections about Peter the Great in A. I. Herzen’s Publicism

Herzen’s historiosophical concept in general and his attitude to the transformations of the first Russian emperor in particular were largely determined by the specifics of the Russian public dialogue in the second third of the 19th century. A.I. Herzen’s understanding of the historical role of Peter the Great changed in the course of the evolution of his historiosophical concept. From the admiration for the monarch’s transformative energy and the commitment for the Europe’s ideal through the humanistic criticism of absolutism and the skepticism towards European values, Herzen came to recognize Peter’s activities as a catalyst of social discontent and ferment, which in the future will lead Russia to a revolution of a special type, different from the bourgeois revolutions of the European model.

Keywords: *Peter the Great, journalism, A.I. Herzen, Russian journalism of the XIX century.*

Сведения об авторе / Information about the author

Кругликова Ольга Сергеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры истории журналистики СПбГУ. Санкт-Петербург, Россия. Тел.: 7-905-220-45-42, e-mail: o.kruglikova@spbu.ru

Olga S. Kruglikova – St. Petersburg, Department of History of Journalism, St. Petersburg State University, Associate Professor, Ph.D. of Philology. St-Petersburg, Russia. E-mail: o.kruglikova@spbu.ru

*Статья поступила в редакцию 08.01.2020, принята к публикации 20.01.2021.
The article was submitted 08.01.2020, accepted for publication 20.01.2021.*